

Ф. А. Гайда

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

Взгляды интеллектуальных кругов России на Церковь, православие и унию к 1839 году

Аннотация. Статья посвящена восприятию православия и униатства в российских интеллектуальных кругах накануне воссоединения белорусских униатов с Православной Церковью в 1839 году. Рассматриваются особенности религиозных взглядов как правительственных (С. С. Уваров, М. М. Сперанский), так и общественных деятелей (Н. М. Карамзин, А. С. Стурдза, А. С. Пушкин, Н. Г. Устрялов, Д. Н. Бантыш-Каменский, И. И. Срезневский, П. Я. Чаадаев). В 1810–1830-е годы в светских кругах стали складываться представления о православии как религии любви, что прочно увязывалось с изначальной христианской традицией. Православие рассматривалось как религия, обладающая догматической определённой, свободная от релятивизма и ложного мистицизма. Главное отличие от католичества заключалось в отсутствии стремления к светской власти и, следовательно, к практике насилия. Кроме этого, Православная Церковь воспринималась как историческая церковь русского народа. Автор статьи приходит к выводу, что для той части общества, которая не была чужда религиозной проблематики, к этому времени уже были характерны достаточно устойчивые представления об унии. Она считалась плодом

религиозного коварства и насилия со стороны папского Рима, а также соблазна ряда западнорусских церковных иерархов. Подчёркивалось неприятие унии со стороны православных Речи Посполитой, в особенности простого народа. Соответственно, преодоление унии было вполне справедливым. Кроме того, унии не могли считаться полноценной частью русского народа, они воссоединялись и с Церковью, и с русской народностью. В рамках сложившихся тогда представлений интеллектуальных кругов религиозная и светская логики были тесно переплетены и имели историческое обоснование.

Ключевые слова: Брестская уния, С. С. Уваров, А. С. Стурдза, М. М. Сперанский, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. Г. Устрялов, Д. Н. Бантыш-Каменский, И. И. Срезневский, П. Я. Чаадаев

Для цитирования: Гайда Ф. А. Взгляды интеллектуальных кругов России на Церковь, православие и унию к 1839 году // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 122–147. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-122-147

1830-е годы были для России временем активного складывания общественного мнения, в чём главную роль играло развитие отечественного образования. Министр народного просвещения С. С. Уваров (1833–1849) фактически завершил процесс создания образовательной системы в России. Как известно, он сформулировал «лозунг» своей политики («уваровскую триаду»), среди основных своих принципов поставив на первое место именно православие. В историографии издавна шёл спор о том, насколько глубоко триада отражала политику ведомства народного просвещения и личные настроения министра (Шевченко 2002). Однако Уваров безусловно был религиозен и хорошо (на уровне своей эпохи) разбирался в церковной проблематике. Ещё в молодости он писал Ж. де Местру: «Я всегда придавал большое значение изучению различных видов церковной истории. Я почти не знаю другой отрасли человеческого знания, которая привлекала бы меня больше, чем теология; она всегда казалась мне торжеством человеческого ума; я пытался изучать её по источникам и, насколько это было в моих силах,

вносил в это изучение дух, отрешённый от всякой предвзятости и свободный от предрассудков, обычных у светских людей» (19 июня (1 июля) 1814 года) (Жозеф де Местр в России 1937: 709–710).

В 1813 году, будучи попечителем Петербургского учебного округа, будущий министр в записке «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» предлагал к изучению Священной истории в народных училищах «присоединить историю нашей Церкви, которая обыкновенно остаётся в забвении» (Уваров 2014: 366). В том же письме Ж. де Местру Уваров подчёркивал свою принадлежность к Православной Церкви: «Если вы, как член *римско-католической церкви*, имеете право предавать анафеме янсенистов и с полным убеждением становиться на сторону иезуитов, то я, как член греческой церкви, имею право спокойно пройти между обеими партиями и даже считать и ту и другую *наростами* на религиозной системе Европы; одним словом, подвергнуть *хладнокровному* исследованию то, что вы можете рассматривать только сквозь призму *религиозного чувства*. Не делайте отсюда вывода, что я не отдаю целиком и полностью справедливости вашей точке зрения; я просто хочу обратить ваше внимание на то, что аргюи мы должны видеть разные стороны этого вопроса (здесь и далее курсив авт. — Ф. Г.)» (Жозеф де Местр в России 1937: 710).

Ж. де Местр активно проповедовал католицизм в высших кругах петербургского общества. Но Уваров был не единственным высокообразованным молодым человеком, кто в те годы сознательно противопоставил ему своё православное исповедание. Более решительно выступил А. С. Стурдза (он был хорошо знаком с де Местром и, по-видимому, с Уваровым — по службе в МИД и министерстве народного просвещения, а также по участию в шишковском обществе «Беседа») (см.: (Парсамов 2004)). В 1810–1812 годах совсем ещё юный Стурдза написал свои первые апологетические труды на французском языке, целью которых была проповедь православия в европейской интеллектуальной среде¹. Отец Стурдзы был духовным сыном архиепископа Никифора (Феотоки) — друга и соратника прп. Паисия (Величковского) (Стурдза 1844: 353–354),

¹ Опыт о таинственном, служащий введением к теории таинственных чувств (1810, Essai sur le Mystere, pour servir d'introduction à la theorie des sentimens mysterieux), Опыт об основных законах природы человека и общества (1811–1812, Essai sur les lois fondamentales de la nature humaine et de la societé). Опубл.: (Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza 1860; Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza 1861).

а А. С. Стурдза — первым биографом архиепископа Никифора (в этом труде неоднократно подчёркивалась верность архиерея святоотеческому наследию (Стурдза 1844: 344–348).

В 1809 году Стурдза поступил на службу в МИД, в 1815 году редактировал текст трактата о Священном союзе. В 1816 году он опубликовал в Штутгарте книгу «*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe*» («Размышления об учении и духе Православной Церкви», русский перевод: (Стурдза 2015). Она стала выжимкой предыдущих работ Стурдзы и своеобразным неофициальным религиозным приложением к трактату Священного союза (этот трактат готовил Стурдза). Книга прошла редакцию архимандрита (будущего митрополита) Филарета (Дроздова) ([Неводчиков Н., свящ.] 1868). Она предназначалась в том числе и в качестве ответа на проповедь де Местра. Таким же ответом стали «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-российской церкви» архимандрита Филарета (Филарет (Дроздов), архим. 1815). Стурдза писал о православии как о религии любви (Стурдза 2015: 100–113), предвосхищая проповедь А. С. Хомякова (впоследствии Стурдза стал постоянным автором славянофильского журнала «Москвитянин»). В эти годы тема любви стала центральной и в проповедях святителя Филарета (Дроздова) (Хондзинский 2008: 27–28).

В 1823 году Стурдза познакомился в Одессе с А. С. Пушкиным. «Здесь Стурдза монархической; я с ним не только приятель, но кой о чём и мыслим одинаково, не лукавя друг пред другом», — признавался Пушкин кн. П. А. Вяземскому (Пушкин 1996: 70). В это время Пушкин преодолел свои атеистические настроения. Позднее А. Н. Раевский рассказывал М. П. Погодину об одесском этапе ссылки поэта: «Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутреню на Светлое Воскресенье и звал всегда товарищей “услышать голос русского народа” (в ответ на христосование священника “воистину воскресе”» (Пушкин в воспоминаниях современников 1998: 40)². Глас (точнее, безмолвие) православного русского народа вскоре увенчает пушкинскую трагедию «Борис Годунов». При этом образы православного и католического духовенства там будут разными, едва ли не противоположными. Патриарх Иов говорил смиренномудро:

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья

² В действительности в Одессе Пушкин встречал только одну Пасху, в 1824 году.

В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждёшь — да пройдет заблужденье:
Оно пройдёт, и солнце правды вечной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.

В то же время иезуит учил самозванца совершенно иному:

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит Бог (Пушкин 1995: 69).

В докладе императору Николаю I от 19 ноября 1833 года Уваров, назначенный министром народного просвещения, обосновывал верность православию уже государственными соображениями: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру — то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха» (Уваров 2014: 103–104). В рамках принципа «Православие. Самодержавие. Народность» было очевидно: русский мог быть только православным. Этот тезис доказывался тысячелетней отечественной историей: русский народ хранил верность своим святыням как залогом собственного существования, но одновременно тем самым создавал условия для сохранения Алтаря и Престола (см.: (Гайда 2020)). В официальных отчётах Уваров также отмечал определённую православную веруочения, противопоставляя учение Церкви как релятивизму,

так и ложной внеконфессиональной мистике: «Выражение “Православие” довольно ясно обнаружило стремление Министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий Церкви» (Уваров 2014: 235–236).

В 1835 году Уваровым был создан Университет св. Владимира в Киеве (вместо закрытого в 1832 году Виленского — оплота польского влияния в Западной России). Первым ректором его стал соратник и единомышленник Уварова — профессор М. А. Максимович. В 1837 году министр проинспектировал новый университет. В присутствии Уварова Максимович выступил с торжественной речью, вспомнил «великое имя Святого Владимира» и призвал студентов: «Святая Вера да будет общим основанием всего просвещения нашего — умственного и сердечного, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся заветные слова, кои начертаны вокруг креста, положенного в основание нашего Университета, — *во свете Твоем узрим свет!*» (Псалтырь, 35:10) (Максимович 1837: 29).

Наиболее уважаемым сановником 1830-х годов являлся М. М. Сперанский. Его и Уварова связывала давняя симпатия (в конце XVIII века молодой Сперанский был одним из домашних учителей юного Уварова). Сын священника, Михаил Михайлович был человеком религиозным и церковным. Евхаристия для него была основанием всей Церкви. Своему другу П. А. Словцову в 1813 году Сперанский писал: «Прочитайте (все, разумеется, не теперь, а по очищении) проповедь, которая в церкви читается перед причащением, <...> прочитайте её со вниманием, вы ужаснётесь! Нет истин в сей жизни ни более возвышенных, ни более верных, как сия! <...> Одна Литургия Иоанна Златоуста или Василия Великого может занять на всю жизнь и даже поглотить в себе все размышления самого глубокомысленного испытателя, если только будет он размышлять с надлежащим совести и духа очищением; без очищения же сего ничего и не увидит» (В память графа Михаила Михайловича Сперанского 1872: 422–424).

В 1816 году Сперанский с изумлением прочёл Добротолюбие (в 1793–1798 годах оно было опубликовано в переводе с греческого на церковнославянский язык прп. Паисия Величковского) (Корф 2014: 288). По собственному признанию, Сперанский нашёл в этой книге всё то, что ранее пытался искать у западных авторов-мистиков Средневековья и Нового времени, только более точно и ясно изложенное. Наиболее важным Сперанский посчитал исихастское учение о созерцании Фаворского света

и практике Иисусовой молитвы. По мнению мыслителя, они прямо воплощали слова апостола Павла: «Сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в унижении, восстаёт в славе; сеется в немощи, восстаёт в силе; сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. <...> Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба» (1 Кор. 15: 42–44, 47). Как писал Сперанский, святые отцы называли это «преобожением» (обожением), а сам апостол Павел — соединением всего небесного и земного «под главою Христом» (Еф. 1: 10). Сперанский также знал, что практика Иисусовой молитвы пришла в Россию в XIV веке с Афона и сохранялась в Саровской пустыни (Сперанский 1870: 176–187, 191, 193–194); (Письмо М. М. Сперанского к С. М. Броневскому 1870: 199–202). Письма, в которых Сперанский делился своими духовными открытиями, были позднее высоко оценены свт. Феофаном Затворником (Феофан Затворник 2008: 273–293). В 1838 году в качестве учителя будущего императора Александра II Сперанский составил «Руководство к познанию законов», позднее, в 1845 году, опубликованное и ставшее учебником для юридических факультетов. Рассуждения о человеке, отправные для правовых построений автора «Руководства», были почерпнуты из Добротолюбия (см.: Гайда 2022). Как и Стурдза, Сперанский основывал всё человеческое общежитие на принципе любви (Сперанский 2002: 45–46, 48–49).

Тогда же, к началу 1839 года, А. С. Хомяковым была составлена записка «О старом и новом», в которой любовь выступала главным двигателем общественного развития: «Настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому». По мнению Хомякова, этот подход был характерен именно для православия. Алексей Степанович писал об отличительной особенности Церкви Православной от католичества: «Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия» (Хомяков 1994: 469, 470).

Униатство и по своей принадлежности к Ватикану, и в особенности по истории внедрения унии рассматривалось как полная противоположность православию. Отношение к униатству было заложено Н. М. Карамзиным. Сам историк не питал какой-либо антипатии к католичеству, но его отношение к Брестской унии было вполне определённым. Карамзин писал, что унию организовал «лицемер» киевский митрополит Михаил (Рагоза), «лукавый и корыстолюбивый». Против «насилия униатов» выступили некоторые представители аристократии и в особенности

православный народ. Именно это, по слову историка, и привело к антипольскому восстанию Б. Хмельницкого (Карамзин 1824: 287–291). Описание событий 1596 года содержалось в самом конце X тома «Истории государства Российского», который вышел в 1824 году.

Труд Карамзина имел колоссальное влияние на образованное общество. При этом политические взгляды читателей не имели особого значения. Например, в альманахе «Полярная звезда» за 1825 год было опубликовано стихотворение (отрывок из поэмы) декабриста К. Ф. Рылеева «Исповедь Наливайки», которое имело такое предисловие: «Буйство и утеснения поляков на Украине переполнили меру терпения казацкого. Мститель их Наливайко, убив Чигиринского старосту, решается освободить отечество от ляхов, поправших святость договоров презрением к правам казаков и чистоту веры мучительским введением унии. Перед исполнением сего важного предприятия он, как благоговейный сын церкви, очищает душу постом и отдаёт исповедь печерскому схимнику». Далее следовали строки:

Чтоб Малороссии родной,
 Чтоб только русскому народу
 Вновь возвратить его свободу —
 Грехи татар, грехи жидов,
 Отступничество униатов,
 Все преступления сарматов
 Я на душу принять готов.
 <...>
 Жид, униат, литвин, поляк —
 Как стаи кровожадных вранов,
 Терзают беспощадно нас.

(Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым 1960: 712–714).

Декабрист лютеранин П. И. Пестель вскоре после выхода работы Карамзина оценивал униатство в том же самом духе. В своей «Русской правде» Пестель настаивал на том, что униатство «не что иное, как слабый остаток соблазна, Флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастные те времена введённый и ежедневно всё более и более искореняющийся» (Конституционные проекты

в России XVIII — начала XX в. 2010: 358). В случае победы революции униатству в России места не было. Но при этом и начальник III отделения Собственной его императорского величества канцелярии гр. А. Х. Бенкендорф, также лютеранин, события 1839 года назвал возвращением к «древнему порядку» («Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869: сборник документов 2006: 215).

В 1836 году в первом номере нового журнала «Современник», издававшемся А. С. Пушкиным, вышла его рецензия на собрание сочинений архиепископа Георгия (Конисского). Поэт отмечал и историческое значение святителя, и сложность его положения в Речи Посполитой середины XVIII века: «Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась ещё под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униатские костёлы, ругались над ослушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершённые по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных». При этом положение самих униатов было двойственным. Пушкин ссылаясь на свидетельство архиепископа: «Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. “Мы за вами ещё живём, — сказал однажды ему униатский епископ Шептицкий, — а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас”. Униаты втайне готовы были отложиться от папы и снова соединиться с грекороссийскою церковью» (Пушкин 1996: 12, 14).

Уваров, как и Пушкин, также был другом Карамзина, инициировал введение его в состав Академии наук за написание «Истории» и свой взгляд на российское прошлое основывал преимущественно на этом труде. Одним из профессоров-историков, которые получили особое покровительство министра, был Н. Г. Устрялов. С 1837 года издавался его курс истории России, который стал учебником для российских гимназий. Историк отмечал многовековое единство Русской Церкви с народом и государством. Он писал: «Предки наши, слушая слова Евангелия на языке понятном, в храмах, исполненных красоты и величия, приобрели ту набожность тихую, мирную, которою они отличались от всех европейских народов. Они смотрели на свою Церковь как на единую, святую; чуждались всего не русского, всякой новизны; желали только одного: безмятежно поклоняться Христу Спасителю, по примеру отцов

и дедов» (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 114–115). Католицизм критиковался: папство действовало с помощью насилия, что вызывало противодействие; в то же время Восточная Церковь полагала, что в делах совести необходимо убеждение (Устрялов Русская история. Ч. 1. 1839: 98–99). При этом «Папы, вопреки всем неудачным попыткам, не оставляли нас в покое, при каждом удобном случае возобновляя старания подчинить своей власти Российскую церковь» (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 115–116).

По словам Устрялова, Брестская уния утверждалась насилием, подкупом и обманом. Её инициировали те архиереи, которые были повинны в порочной жизни и опасались церковного суда. Решающую роль в подготовке и распространении унии сыграли иезуиты, без них она «по всей вероятности, при очевидной ненависти к ней народа, исчезла бы сама собою». Активную поддержку оказала королевская власть (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 118–119, 122–124). Устрялов признавал: «Король действовал вопреки правилам здоровой политики». Следствием унии стали казачьи восстания, начиная с С. Наливайко. В ответ поляки лишь усилили репрессии: «Беспримерное гонение стало уделом Малороссии: Русский народ объявлен на сейме *бунтливым* и осуждён в рабство; Русские помещики утратили свои земли, перешедшие в руки Польских шляхтичей, если не хотели признавать Унию; Русские храмы были запечатаны или отданы аренду Жидам, которые отпирали их для священнодействия не иначе, как за известную плату до пяти талеров; крестины, свадьбы и похороны также были на откуп от Жидов. <...> Установлен был так называемый *пасочный* сбор, отданный в откуп Жидам: только они имели право продавать пасхальные хлебы к празднику Светлого Воскресенья; Униаты покупали их за обыкновенную цену, Неуниаты платили пошлину. Первые отличались от последних лоскутком бумаги с надписью *Униат*. Если же при освящении хлебов откупщик находил испечённые прихожанами, он взыскивал с них в пеню тройную цену. Сверх того, требовалось непременно, чтобы каждое семейство покупало столько хлебов, сколько было в нём душ, не исключая и младенцев» (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 126–219).

Историк Малороссии Д. Н. Бантыш-Каменский описывал события 1596 года более подробно. Он именовал унию «пагубной», расколом, отступничеством и принятием «римских заблуждений». Её введение было коварством и вызвало стойкое неприятие народа. Бантыш-Каменский отмечал, что в Бресте состоялось сразу два церковных собора

(православный и униатский), которые осудили друг друга. В православном соборе приняли участие 2 архиерея (в униатском — 6), однако он был очень многочисленным: присутствовали миряне, в том числе шляхта во главе с кн. К. Острожским. Православная партия получила в именование «благочестивых» (Бантыш-Каменский 1830: 163, 165, 167–169). Власть приступила к масштабным репрессиям. Шляхта, которая принимала унию, быстро переходила в католичество (тем самым автор указывал на то, что униа рассматривалась поляками как временное явление, как инструмент насаждения католичества) (Бантыш-Каменский 1830: 178).

В Малороссии именно в 1830-е годы тема унии стала предметом постоянного упоминания. Связано это было и с резким усилением интереса к истории Малой Руси, и с уваровской политикой, и с реакцией на Польский мятеж 1830–1831 годов (см.: Гайда 2022). В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (первая редакция — 1835 год), описывающей время накануне унии, казак говорил сечевикам: «Ксен<д>зы ездят из села в село на таратайках, в которых запряжены пусть бы ещё кони, это бы ещё ничего, а то просто православные христиане. Так вы, может быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет, чтобы мы кинули и веру нашу христианскую?» (Гоголь Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. 2009: 212). Казак Данило в повести «Страшная месть» (1832) описывал положение края уже после 1596 года: «Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше всё переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» (Гоголь Полное собрание сочинений и писем. Т. 1–2. 2009: 230).

В 1834 году вышло второе собрание украинских народных песен М. А. Максимовича. Он разделял развитие жанра казацких песен (дум) на 3 этапа: до введения унии, до восстания Хмельницкого и после его начала. Уния и сопротивление ей рассматривались как основные факты, повлиявшие на самосознание тогдашней Украины-Малороссии. В комментариях Максимович отмечал: «Козаки в своих победоносных подвигах забывали те притеснения, которые Украине стала наносить Польша, частью по своему урону от усиливавшегося Козачества, частью по внутренним беспорядкам своего избирательного правления. Но когда Польша, во имя Унии, посягнула на веру Козаков, тогда загорелось *религиозно-воинское восстание* их на Поляков, составляющее характеристику сего второго периода Козачества». В сборник попал отрывок одной из казацких песен времён Хмельницкого: «Да не буде лучче, да не буде красче як у нас на

Вкраине: // Да не мае Жида, да не мае Ляха, немае Унии» (Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем 1834: 3, 83, 84, 102).

В сборнике материалов этнографа И. И. Срезневского «Запорожская старина» в 1833 году была опубликована песня «Подвиги Савы Чалого», в которой сын главного героя предательски перешёл на службу к полякам. Польская служба в первую очередь означала гонение на веру и погубление собственной души (колдовство):

Ой не схотив та Пан Сава
 Козакам служити:
 Вин пийшов до Ляшинькив
 Славы залучити.
 Вин пийшов до Ляшинькив
 Службы видправляти,
 И з Ляхами православну
 Церковь руйновати.
 <...>

Не кохав Сава Панив Козакив
 Та все Католики.
 Загубив Сава, протесав Сава
 Свою виру на вики.
 <...>

Що не тилько що Пан Сава
 Церковь та руйнуе:
 И з бисами став за право

Й борзо знахоруе (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 1 1833: 61, 63).

Срезневский также опубликовал «Сказания, откуда Козаки Запорожане, и чем слави». В этом повествовании принятие унии изображалось в апокалиптических красках: «Егда змий лукавый отторже третью часть звезд из церкви Православных, аки з тверди небесней, и восхоте зрунути во адову пропасть, тогда ему тии некии Архиереи в Литовской стране не бояшеса Бога, яже дрождя суешных славы жившася, ни откуда не имущия нужды образом благочесния хотяще отрещися, православных апостольския Кафолическия веры, собор собраша во Брестю Литовском; <...> и на том соборе оставя аще благословение первоначального Архипастыря своего Константинопольскаго Патриарха, послаша послы

в Рим к Папе Клементу восьмому, отдающе себе в соединение Западному Костелю. Тогда видевшие благочестия сынове сию новоявльшую химеру, ужасався и отдалиша себе от едности тех наемников, а не истинных пастырей. И отсюда раздрася облюбеницы Христовой единоблагочесная риза; и смутися смущением неушешным православная церковь: бе бо видети на ней одеяние раздранно, и душою болюще зело, ако сынове ея вшедше въ чертоги внутренняя завеса умроша. Змий же облюбивый их начать облюбеницу Хришову Церковь Православную Греко-Русскую гонити; обаче дано бе жене две криле орла небесного» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 2 1833: 29–31).

События унии, по словам автора «Сказания», и провоцировали казацкие восстания. Первым «ревностию благочестия разжегся» и выступил на защиту веры запорожский гетман С. Наливайко. Затем последовало несколько десятилетий войн за веру: «И вельми сталась тяжка брань оная. И многия души погибоша. Церковь Божую православную споважающе и поражающе православных ея сподвижников. Явися в оное время меж Козаками муж умом возвышенный и любовью к отчизне вельми изукрашенный зело, Зиновий Хмельницкий, ему же и прозвание от православнаго народа дано Богдана, Богом данного во утешение сиротствующей Церкви Православной. И так от ига Лядского Руссы в оно время отпадоша» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 2 1833: 31–33).

В собственном историческом очерке («Сказании летописцев») Срезневский писал касательно Брестской унии: «Сия дерзость, столь решительная, столь обдуманная, доказывает, впрочем, не столько силу Униатов, сколько их самонадеянность, могущество Пап и Католицизма, и то постыдное унижение, в каком был тогда Патриарх и всё Духовенство Греческое. Вера Православная цвела в то время только в одном Царстве Русском, а политика Двора Московского была всегда слишком далека от распрей за веру». Тем временем униаты, поддержанные королевской властью, «насильно присвоевали себе знатнейшие монастыри и приходские церкви; остальные, особенно по городам, разоряли или запечатывали; священников ловили и мучили и народ, собиравшийся для молебствий за городом в шалашах, разгоняли, а нередко и просто умерщвляли... Кровью и слезами приветствовала Украина XVII век» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 3 1834: 39–41). Под Украиной, как становится ясно из следующего абзаца, Срезневский понимал все западнорусские земли, входившие в состав Речи Посполитой.

Воплощением унии стала фигура И. Кунцевича: «Тогда-то явился между гонителями Православия изверг рода человеческого, разоритель Христианской истины, Епископ Полоцкий, Униат Иосафат Кунцевич, низкий родом, но высокий коварством, крамолами и злобою к Православным. Каких злодейств ни употреблял он, дабы увеличить количество Униатов в Украине: он сажал в темницы священников, приказывал сечь всенародно на площадях несчастных простолюдинов; не позволял исполнять никаких обрядов веры, разрушал храмы или обращал в Униатские» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 3 1834: 45).

Срезневский также пересказывал свидетельства «Истории русов», которая приписывалась еп. Георгию Конисскому и тогда ещё не была опубликована: «Духовенство Униатское ездило в колеснях, запряжённых 12–15 человек из Православных; отдавало церкви Грекороссійскія на аренду...» (по-видимому, этот факт потом и нашёл воплощение в повести Гоголя). Хотя предполагалось сохранение восточного обряда, насильственные действия затрагивали и его: «Сии ходатаи об исправлении веры (выражение др[евней] Летописи) переменяли антимины и требники и выдумывали обряды для чествования и прославления Папы. Воины Поляки, быв расставлены при всех знатнейших церквах особенно в важных городах и местечках с обнаженными саблями, принуждали народ кленчиться (преклонять колено по латинской традиции. — Ф. Г.) в церкви и бить себя в грудь по-Римски, а при чтении Символа Веры прибавлять известное речение о Св. Духе, при чем возносимы были сабли на главы народа с угрозами рубить неповинующихся» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 3 1834: 103–104).

Князь Иеремия Вишневецкий, управлявший воеводством Русским (с центром во Львове) накануне и во время восстания Б. Хмельницкого, получил у Срезневского такую характеристику: «Прежде ревностный Грекороссиянин, он сделался ещё более ревностным Униатом, а потом и Католиком и, по обычаю всех Униатов и Католиков, имевших силу и случай, стал угнетать Украинцев, особенно Козаков, принуждая их к Унии. Он вырывал у них глаза, вешал их, сажал на кол, резал, морил голодом, мучал всеми ужасными муками медленной казни. — Пусть чувствуют, что умирают, — говорил он, — и часто он сам присутствовал при казнях, будто радостью его очей была кровь православных и радостью слуха их вопли и стоны. Зверство его не знало пределов» (Срезневский Запорожская старина Ч. 2. Вып. 2 1834: 22–23). Наоборот,

один из борцов против польской власти, «прославившийся бежалостною ревностью к Православной вере и ненавистью к Полякам, Жидам и Униатам», казак Морозенко стал настоящим народным героем: «Имя его гремело в Украине, и песни народные воспевали его подвиги» (Срезневский 1838: 54).

В заключение интересно отметить и настроения, характерные для такого филокатолика, каким был П. Я. Чаадаев. Для него русские тоже были народом, чьё историческое бытие было полностью основано на православном христианстве: «Этой церкви, столь смиренной, столь покорной, столь безропотной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она призвана была явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, — поучительное зрелище, которое мы предъявляем на размышление серьёзных умов» (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 501). Адресату «Философических писем» — Е. Д. Пановой — Пётр Яковлевич всячески советовал «придерживаться всех обычаев, предписанных церковью» (речь шла о Православной Церкви) (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 322). Роль «Восточной церкви», по мнению мыслителя, «состояла в том, чтобы явить мощь христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание» (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 500). Когда Уваров стал министром народного просвещения и выдвинул свою триаду, Чаадаев написал письмо на высочайшее имя с просьбой быть причисленным к этому ведомству (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 2 1991: 83–84).

Филокатоличество Чаадаева было сугубо историософским, с католицизмом мыслитель связывал прогресс Европы. Во время поездки по Италии Чаадаев присутствовал на богослужении с участием папы Римского. Оно Петру Яковлевичу не понравилось, поскольку было сосредоточено на восхвалении самого понтифика, а не Иисуса Христа (Кара-Мурза 2019: 33–34). Полякам-католикам Чаадаев рекомендовал оставаться в единении с православной Россией, не испытывая никаких симпатий по отношению к их сепаратистским стремлениям (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 512–515).

Таким образом, в интеллектуальных кругах России 1830-х годов складывалось общее мнение о том, что все русские должны быть православными. Налицо были две логики: политическая (униаты не могут

считаться полноценной частью русского народа) и религиозная (необходимо спасение униатов из схизмы, а преодоление древнего насилия, организованного Ватиканом и местными предателями истинной веры, вполне справедливо). Обе логики были тесно переплетены. С точки зрения государства основой для этого становилась уваровская триада, а те общественные деятели различных направлений, для которых тема была важна, в целом её разделяли. Стоит отметить, что через четверть века, в 1863 году русское общество поступит схожим образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. — М. : Рос. фонд культуры; Российский архив, 2006. — 706 с.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. — 2-е изд. — Ч. 1. — М. : Тип. Семёна Селивановского, 1830. — 476 с.

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. — СПб. : Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. — 922 с.

Гайда Ф. А. «Узнание нашей народности во всех её различных видах»: Российская империя и украинофильство в 1820–40-е гг. // Тетради по консерватизму. — 2022. — № 2. — С. 13–29.

Гайда Ф. А. Наполеон, Фауст, Гамлет, Христос: проблематика свободы и «личности» в России в 1838 г. // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2022. — Т. 5, № 3. — С. 201–218.

Гайда Ф. А. Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в. // Русский Сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. — Т. XXIX. — М., 2020. — С. 97–135.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 1–2. — 664 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 7. — 816 с.

Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. — Т. 29–30. — М. : Жур.-газ. объединение, 1937. — С. 577–726.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. X. — СПб. : В типографии Н. Греча, 1824. — 462 с.

Кара-Мурза А. А. Итальянское путешествие Петра Чаадаева (1824–1825). — М. : Аквилон, 2019. — 112 с.

Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. — М. : РОССПЭН, 2010. — 640 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. — М. : Статут, 2014. — 487 с.

Максимович М. А. Об участии и значении Киева в общей жизни России // Журнал Министерства народного просвещения. — Ч. 16. — СПб., 1837. — № 10. — С. 1–29.

Неводчиков Н., священник. Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским. — Одесса, 1868. — 52 с.

Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза (из истории религиозных идей александровской эпохи). Пособие по спецкурсу для студентов исторического факультета. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, — 2004. — 175 с.

Письмо М. М. Сперанского к С. М. Броневскому // Русский архив. 1870. — С. 199–202.

Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 1017 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. — Т. 12. — М. : Воскресенье, 1996. — 588 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. — Т. 7. — М. : Воскресенье, 1995. — 395 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. — Т. 13. — М. : Воскресенье, 1996. — 684 с.

Пушкин в воспоминаниях современников. — 3-е изд., доп. — СПб. : Академический проект, 1998. — Т. 2. — 575 с.

Сперанский М. М. Письма Сперанского к Ф. И. Цейеру // Русский архив, 1870. — С. 174–199.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. — СПб. : Наука, 2002. — 678 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1. — Вып. 1. — Харьков : В Университетской типографии, 1833. — 132 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1. — Вып. 2. — Харьков : В Университетской типографии, 1833. — 140 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1. — Вып. 3. — Харьков : В Университетской типографии, 1834. — 168 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 2. — Вып. 2. — Харьков : В Университетской типографии, 1834. — 183 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 2. — Вып. 3. — Харьков : В Университетской типографии, 1838. — 164 с.

Стурдза А. С. Евгений Булгарис и Никифор Феотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков // Москвитянин. — 1844. — № 2. — С. 337–367.

Стурдза А. С. Размышления об учении и духе Православной Церкви. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 172 с.

Уваров С. С. Государственные основы. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. — 609 с.

Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. — Ч. 1. — М. : В Университетской типографии, 1834. — 180 с.

Устрялов Н. Г. Русская история. — 2-е изд., испр. — Ч. 1. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. — 362 с.

Устрялов Н. Г. Русская история. — 2-е изд., испр. — Ч. 2. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. — 364 с.

Феофан Затворник, свт. Письма о молитве и духовной жизни. Собрание писем. — М. : Правило веры, 2008. — 479 с.

Филарет (Дроздов), архим. Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-российской церкви с присовокуплением выписки из окружного послания Фотия, патриарха Цареградского, к восточным патриаршим престолом. — СПб., 1815. — 85 с.

Хомяков А. С. Сочинения : в 2 т. — М. : Медиум; Московский философский фонд, 1994. — Т. 1. — 591 с.

Хондзинский П., прот. Восток и Запад в «русском синтезе» святителя Филарета митрополита Московского // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. — М., 2008. — Т. 1. — С. 22–33.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М. : Наука, 1991. — Т. 1. — 800 с.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М. : Наука, 1991. — Т. 2. — 672 с.

Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. — С. 89–104.

Euvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza. — Vol. 4 — Paris : Dentu, 1860. — 313 p.

Euvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza. — Vol. 5 — Paris : Dentu, 1861. — 272 p.

Сведения об авторе:

Фёдор Александрович Гайда — доктор исторических наук, доцент, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Отдел новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б, e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

F. A. Gayda

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

The Perspectives of Russia's Intellectual Circles on the Church, Orthodoxy, and the Union by 1839

Abstract. The article focuses on the perception of Orthodoxy and Uniatism within Russian intellectual circles on the eve of the reunification of Belarusian Uniates with the Orthodox Church in 1839. The article also examines the religious perspectives of both governmental figures (S. S. Uvarov, M. M. Speransky) and public figures (N. M. Karamzin, A. S. Sturdza, A. S. Pushkin, N. G. Ustryalov, D. N. Bantysh-Kamensky, I. I. Sreznevsky, P. Ya. Chaadaev). In the 1810s and 1830s, secular circles began to formulate ideas about Orthodoxy as a religion of love, firmly rooted in the original Christian tradition. Orthodoxy was regarded as a religion characterized by dogmatic certainty, devoid of relativism and false mysticism. The primary distinction from Catholicism lay in the absence of a pursuit for secular power, and consequently, a rejection of the practice of violence. Additionally, the Orthodox Church was viewed as the historical church of the Russian people. The author of the article concludes that by this time, a significant segment of society, particularly those concerned with religious matters, had already developed relatively stable ideas about the union. The union was

perceived as the result of religious manipulation and coercion by papal Rome, as well as the enticement of certain Western Russian church hierarchs. The article underscores the Orthodox population's rejection of the union within the Polish-Lithuanian Commonwealth, particularly among the common people. Hence, the effort to overcome the union was deemed justified. Furthermore, the Uniates could not be regarded as fully integrated members of the Russian people until they were reunited with both the Church and the Russian national spirit. Within the framework of the intellectual circles' ideas that emerged during that period, religious and secular reasoning were closely interwoven and found historical validation.

Keywords: Union of Brest, S. S. Uvarov, A. S. Sturdza, M. M. Speransky, N. M. Karamzin, A. S. Pushkin, N. G. Ustryalov, D. N. Bantysh-Kamensky, I. I. Sreznevsky, P. Ya. Chaadaev

For citation: Gayda, F. A. (2024). The Perspectives of Russia's Intellectual Circles on the Church, Orthodoxy, and the Union by 1839. *Orthodoxia*, (3), 122–147. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-122-147

REFERENCES:

“Rossiia pod nadzorom”: otchety III otdeleniia 1827–1869: sbornik dokumentov [“Russia under Supervision”: Reports of the III Department 1827–1869: a Collection of Documents]. (2006). Moscow : Ros. fond kul'tury; Rossiisky arkhiv. [In Russian].

Bantysh-Kamensky, D. N. (1830). *Istoriia Maloi Rossii* [The History of Little Russia] (2-nd Edition, Chapter 1). Moscow : Tip. Semena Selivanovskogo. [In Russian].

Chaadaev, P. Ia. (1991). *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannnye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters] (Vol. 1). Moscow : Nauka. [In Russian].

Chaadaev, P. Ia. (1991). *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannnye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters] (Vol. 2). Moscow : Nauka. [In Russian].

Feofan Zatvornik, Enlightener. (2008). *Pis'ma o molitve i dukhovnoi zhizni. Sobranie pisem* [Letters about Prayer and Spiritual Life. Collection of Letters]. Moscow : Pravilo very. [In Russian].

Filaret (Drozdov), archimandrite. (1815). *Razgovory mezhdú ispytuiuushchim i uverennym o Pravoslavii Vostochnoi Greko-rossiiskoi tserkvi s prisovokupleniem vypiski iz okruzhnogo poslaniia Fotiia, patriarkha Tsaregradskogo, k vostochnym patriarshim prestolam* [Conversations between the Probing and the Confident about the Orthodoxy of the Eastern Greek-Russian Church, with an Extract from the District Message of Photius, Patriarch of Tsargrad, to the Eastern Patriarchal Thrones]. Saint Petersburg. [In Russian].

Gayda, F. A. (2020). Sviazuiuushchee nachalo: o ponimanii “narodnosti” v Rossii I poloviny XIX v. [The Connecting Principle: on the Understanding of “Nationality” in Russia in the First Half of the XIX Century]. In *Russky Sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii* (Vol. XXIX, pp. 97–135). Moscow. [In Russian].

Gayda, F. A. (2022). “Uznanie nashei narodnosti vo vsekhn ee razlichnykh vidakh”: Rossiiskaia imperiia i ukrainofil'stvo v 1820–40-e gg. [“The Recognition of Our Nationality in All its Various Forms”: The Russian Empire and Ukrainophilism in the 1820s and 40s.]. *Tetrad'i po konservatizmu*, (2), 13–29. [In Russian].

Gayda, F. A. (2022). Napoleon, Faust, Gamlet, Khristos: problematika svobody i “lichnosti” v Rossii v 1838 g. [Napoleon, Faust, Hamlet, Christ: the Problems of Freedom and “Personality” in Russia in 1838]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, (3), 201–218. [In Russian].

Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t.* [The Complete Collection of Works and Letters: In 17 Volumes] (Vol. 1–2). Moscow-Kyev : Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t.* [The Complete Collection of Works and Letters: In 17 Volumes] (Vol. 7). Moscow-Kyev : Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Joseph de Maistre v Rossii [Joseph de Maistre in Russia]. (1937). In *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 29–30, pp. 577–726). Moscow : Zhur.-gaz. ob"edinenie. [In Russian].

Kara-Murza, A. A. (2019). *Ital'ianskoe puteshestvie Petra Chaadaeva (1824–1825)* [The Italian Journey of Peter Chaadaev (1824–1825)]. Moscow : Akvilon. [In Russian].

Karamzin, N. M. (1824). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [The History of the Russian State] (Vol. X). Saint Petersburg : Tipografiya N. Grecha. [In Russian].

Khomiakov, A. S. (1994). *Sochineniia v 2 t.* [Works in 2 Volumes] (Vol. 1). Moscow : Medium; Moskovsky filosofsky fond. [In Russian].

Khondzinsky, P., Protoiereus. (2008). Vostok i Zapad v “russkom sinteze” sviatitelia Filareta mitropolita Moskovskogo [East and West in the

“Russian Synthesis” of St. Metropolitan of Moscow]. In *XVIII Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta: Materialy* (Vol. 1, pp. 22–33). Moscow. [In Russian].

Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII — nachala XX v. [Constitutional Projects in Russia of the XVIII — Early XX Centuries] (2010). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Korf, M. A. (2014). *Zhizn' grafa Speranskogo* [The Life of Count Speransky]. Moscow: Statut. [In Russian].

Maksimovich, M. A. (1837). Ob uchastii i znachenii Kieva v obshchei zhizni Rossii. [On the Participation and Importance of Kiev in the Common Life of Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, Part 16, (10), 1–29. [In Russian].

Nevodchikov, N., priest. (1868). *Znakomstvo i perepiska A. S. Sturdzy s vysokopreosviashchennym Filaretom, mitropolitom Moskovskim* [Acquaintance and Correspondence of A. S. Sturdza with His Eminence Filaret, Metropolitan of Moscow]. Odessa. [In Russian].

Parsamov, V. S. (2004). *Zhozef de Mestr i Aleksandr Sturdza (iz istorii religioznykh idei aleksandrovskoi epokhi). Posobie po spetskursu dlia studentov istoricheskogo fakul'teta* [Joseph de Maistre and Alexander Sturdza (from the History of Religious Ideas of the Alexander Era). A Special Course Manual for Students of the Faculty of History]. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta. [In Russian].

Pis'mo M. M. Speranskogo k S. M. Bronevskomu [The Letter of M. M. Speransky to S. M. Bronevsky]. (1870). *Russky arkhiv*, (199–202). [In Russian].

Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym [The Polar Star, Published by A. Bestuzhev and K. Ryleev]. (1960). Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. [In Russian].

Pushkin A. S. (1996). *Polnoe sobranie sochineny: v 17 t.* [Complete Works in 17 Volumes] (Vol. 12). Moscow : Voskresen'e. [In Russian].

Pushkin v vospominaniakh sovremennikov [Pushkin in the Memoirs of His Contemporaries] (Vol. 2). (1998). Saint Petersburg : Akademicheskyy proekt. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1995). *Polnoe sobranie sochineny: v 17 t.* [Complete Works in 17 Volumes] (Vol. 7). Moscow : Voskresen'e. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1996). *Polnoe sobranie sochineny: v 17 t.* [Complete Works in 17 Volumes] (Vol. 13). Moscow : Voskresen'e. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (2002). Poniatie “teoriiia ofitsial'noi narodnosti” i izuchenie vnutrennei politiki imperatora Nikolaia I [The Concept of “the Theory of Official Nationality” and the Study of the Internal Policy of

Emperor Nicholas I]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorii*, (4), 89–104. [In Russian].

Speransky, M. M. (1870). *Pis'ma Speranskogo k F. I. Tseieru* [Letters of Speransky to F. I. Zeyer]. *Russky arkhiv*, (174–199). [In Russian].

Speransky, M. M. (2002). *Rukovodstvo k poznaniu zakonov* [A Guide to the Knowledge of Laws]. Saint Petersburg : Nauka. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1833). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 1, Issue 1). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1833). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 1, Issue 2). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1834). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 1, Issue 3). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1834). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 2, Issue 2). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1838). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 2, Issue 3). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sturdza, A. S. (1844). *Evgeny Bulgaris i Nikifor Feotokis, predtechi umstvennogo i politicheskogo probuzhdeniia grekov* [Evgeny Bulgaris and Nikifor Theotokis, Forerunners of the Intellectual and Political Awakening of the Greeks]. *Moskvitianin*, (2), 337–367. [In Russian].

Sturdza, A. S. (2015). *Razmyshleniia ob uchenii i dukhe Pravoslavnoi Tserkvi* [Reflections on the Teaching and Spirit of the Orthodox Church]. Saint Petersburg : Nestor-Istorii. [In Russian].

Ukrainskie narodnye pesni, izdannye M. Maksimovichem. [Ukrainian Folk Songs, Published by M. Maksimovich] (Part 1). (1834). Moscow : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Ustrialov, N. G. (1839). *Russkaia istoriia* [Russian history] (Part 2). Saint Petersburg : Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. [In Russian].

Ustrialov, N. G. (1839). *Russkaia istoriia* [Russian history] (Part 1). Saint Petersburg : Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. [In Russian].

Uvarov, S. S. (2014). *Gosudarstvennye osnovy* [State Foundations]. Moscow : In-t russkoi tsivilizatsii, 2014. — 609 s. [In Russian].

V pamiat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872 [In Memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. Saint Petersburg : Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki. [In Russian].

Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza (Vol. 4). (1860). Paris : Dentu. [In French].

Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et

littéraires d'Alexandre de Stourdza (Vol. 5). (1861). Paris : Dentu. [In French].

About the author:

Fedor Aleksandrovich Gayda — Doctor of Historical Sciences, Docent, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, St. Tikhon's Orthodox University, 23Б, Novokuznetskaya str, Moscow, Russia, 115184, e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Acknowledgements:

The research was conducted with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of World Cultural and Historical Heritage".

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.